

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ УЧИТЕЛЕЙ ЗАУРАЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Объектом исследования стала история региональной системы образования второй половины XIX – начала XX вв. Не секрет, что в отечественном общественном сознании долгое время господствовали идеализированные представления и оценки работников педагогического труда. Цель настоящей статьи заключается в анализе образов провинциальных учителей Зауралья. Необходимо понимание того, какие социально-психологические стереотипы оказывали решающее воздействие на формирование их образов. Достижение данной цели потребовало разрешения ряда вопросов. Какая мотивация обуславливала поведение работников сферы образования? Как проходили процессы их адаптации к той среде, куда они попадали? С какими конфликтами сталкивались педагоги?

В статье на конкретных примерах рассмотрены проблемы мотивации действий педагогов, их адаптации к существованию в деревенской и провинциальной среде. Общественное мнение тогда выступало за эмансипацию женщин. Педагогика была одной из немногих сфер, где грамотная женщина могла профессионально реализовать себя. В целом учителя руководствовались идеей служения народу, заимствованной у верхов уходящего феодального общества. Их патриархальное окружение, напротив, исходило из чуждости личности учителя, что создавало почву для конфликтов. Одновременно предполагалась возможность использования педагога как посредника между локальным социумом и большим миром.

Результаты изучения свидетельствуют, что в общественном сознании фигура учителя была мифологизирована. Его труд рассматривался как героическое деяние и как необходимая искупительная жертва. Всеми общественными силами предполагалось, что система образования должна базироваться на внеличных ценностях. Это доминирование над личностью и частными интересами обесценивало человеческую жизнь и отодвигало на второй план прагматическую сторону образования. Экономическим успехам пореформенной России не вполне соответствовал уровень культурного развития. В итоге выпускники и выпускницы учебных заведений, избравшие поприще педагогов, ориентировались не столько на «скучный» повседневный труд, сколько на достижение возвышенных целей, на непосредственное участие в созидании идеального общества.

Ключевые слова: брак, Зауралье, миф, народное образование, образ, провинция, учительница, ценности.

Художник из Тобольска М.С. Знаменский, оценивая одну из учениц, отмечал в своем дневнике: «Из Скорняковой, кажется, толк будет, и со временем [она] выделится из среды самок внутреннего приготовления, а впрочем, кто их знает, может, выйдет чиновница с понятием, что если муж берет, то так и следует, потому что кто же не берет. Ведь о благородном значении человека, о собственном достоинстве, о значении женщин никто не говорит им ни слова. Да и странно толковать об этом в настоящее время. Это значило бы снабдить воспитанницу запасом раздора, который она внесет в семейство. Поэтому извольте видеть, что здесь большинство не только не стыдится брать взятки, давать взятки и подставлять свою физиономию для нравственных оплеух, но и признать это законным и спорить до слез за необходимость существования для всего этого нравственного хлама. Вот и извольте наэлектризованную благородством, но неопыт-

ную девчурку выдать на съедение этим чудищам без всякой поддержки» [8, с. 457].

Эти строки были написаны в 1863 г. Знаменательная эпоха! Начало Великих реформ, раскрепощения сознания, вхождения нашей страны в индустриальное общество. И начало отечественной эмансипации женщин. Перед образованными людьми вставал вопрос о том, так ли уж необходима привычная патриархальная семья, где женщине уготованы исключительно домашние дела и воспитание детей. Идея, что служить общественному благу способны как мужчины, так и женщины, понемногу пробивала себе дорогу. Молодежь искала выходы для реализации социальной энергии. Одним из таких выходов была педагогика. Цель настоящей статьи заключается в анализе образов провинциальных учителей и учительниц Зауралья. Необходимо выяснить: какие социально-психологические стереотипы оказывали решаю-

шее воздействие на формирование их образов? Достижение данной цели требует разрешения ряда вопросов. Какая мотивация обуславливала поведение работников сферы образования? Как проходили процессы их адаптации к той среде, куда они попадали? С какими конфликтами сталкивались педагоги?

Заметим, что прежде для верхов феодальной России определяющей идеей была идея служения: богу, престолу, отечеству. В новых исторических условиях ценности уходящей элиты оказались отчасти заимствованы следующими поколениями. Идея служения осталась, но была переосмыслена. Изменились акторы и адресат служения. Честный и интеллигентный человек, вне зависимости от своего правового статуса, должен был служить народу. По мнению Ф.М. Достоевского новые веяния в большей мере затронули женщин, чем мужчин. Приведем его характерные высказывания из «Дневника писателя» за 1876 г.: «Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила своё желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее» [6, с. 248]. Он же объяснил мотивацию женских поступков: «Тут потребность жертвы, дела, будто бы от нее именно ожидаемого, и убеждение, что нужно и должно начать самой, первой, и безо всяких отговорок, все то хорошее, чего ждешь и чего требуешь от других людей, – убеждение в высшей степени верное и нравственное, но, увы, всего чаще свойственное лишь отроческой чистоте и невинности» [6, с. 261].

Разумеется, соответствовать данному жертвенному идеалу было по силам далеко не каждому педагогу. Но те ориентиры, которые господствовали в обществе, для многих учительниц были непосредственным жизненным руководством. «Кто у нас бывал? – вспоминала Е.Г. Чемезова дореволюционное время в Тобольске. – Большею частью педагоги, среди них мамы бывшие сослуживцы, которые продолжали работать в епархиальном училище, потому что, как говорили, вовремя «не нашли себе

судьбы», т. е. не вышли замуж. Их было пять. Все они были, конечно, разные, но все-таки, в них было что-то такое, что делало их похожими друг на друга. Во-первых, все они были очень скромно одеты. Не было на них ни ярких платьев со множеством отделок, какими славились другие наши гости, посещавшие нас изредка, только по большим праздникам. Пышных шляп с перьями, бантами, цветами они тоже не носили» [16, с. 166].

А.М. Горький в повести «Городок Окуров» (1909 г.) хорошо показал общепринятое обыденное представление об одинокой жизни учительниц: «так, заметив избыток девиц, мещанство решило строить прогимназию:

– Всех девок, видно, замуж не выдашь – стало быть пусть идут на службу в учительницы!» [3, с. 9].

Для формирования данной установки имелось множество оснований. Полагаем, что важнейшими среди них было существование патриархальных норм. Как установил М. Элиаде, для человека традиционной культуры было характерно восприятие сотворенного им места постоянного проживания как Центра мироздания, как рукотворного подобия Космоса. И наоборот, приход извне оценивался как проявление Хаоса, как прямая или скрытая угроза для ранее обжитого пространства [17, с. 36–38]. Чужак был потенциально опасен. Он мог привести в локальный социум новации, разрушительные для стабильного существования последнего. Многие исследователи отмечали первичную негативную реакцию крестьян на появление интеллигента-учителя. Он был не только чужак, он принадлежал к низам враждебного крестьянину мира чиновников и бар, которых, неизвестно почему, деревня содержит [9, с. 196–198].

Не обладая большими властными полномочиями (раз попал из города в деревню), учитель нередко рассматривался как наёмщик, похожий на волостного писаря на содержании у крестьянского мира. Фигура незамужней учительницы выглядела еще более маргинальной. В патриархальном мире женщины, и в особенности девушки, занимали подчиненное положение. Их полноценное включение в жизнь локального социума предполагало обязательное замужество. Однако имелись и исключе-

ния. Самодостаточная патриархальная деревня нуждалась в посредниках, чтобы определиться со своим существованием в мире. По меткому замечанию К. Манхейма, в каждом обществе «есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы «интеллигенцией» [14, с. 14]. Для провинциального мира ими могли быть священники, отставные солдаты, богомольцы, деревенские знахари и колдуны, торговцы, чернички. Последние, близкие к монашеству, пополнялись из вдов и девушек, сознательно отказавшихся от семейной жизни. Далеко не каждая незамужняя женщина могла стать черничкой. Здесь требовались авторитет у окружающих, безукоризненная нравственность, хорошее знание обрядов и богослужебных книг. Нередко чернички обучали детей грамоте и рукоделию [4, с. 103–104]. Подобные персонажи известны также в архаическом и даже языческом вариантах. С.В. Максимов дает их образы в очерках «Честна-вдова» [13, с. 190–263] и «Повитуха-знахарка» [12, с. 169–200].

Всех этих маргиналов в деревенском и провинциальном мире объединяли похожие обязанности. Они занимались воспроизводством социальной памяти, обучали грамотности, действовали воспитанию населения, лечили его. Налицо близость культурных функций у представителей традиционного мира, и у учителей, сторонников обновления России. Фактически обе группы боролись также за поддержание личного авторитета в локальном социуме. Так, например, исследователями отмечена нередкая конкуренция между священниками и учителями [9, с. 219–220]. Для последних основная проблема заключалась в адаптации к реалиям деревенской или полудеревенской среды. От педагога требовалось соблюдение общепринятых социальных норм. Подразумевалось, что пользующаяся уважением учительница работает не столько за деньги, сколько за распространение внеобыденных ценностей. Образ учительницы, как носителя сокровенных знаний, благодетельницы и защитницы от неведомых угроз предполагал её отчуждённость от суетной жизни. Соответственно, она должна была быть «не от мира сего»: обладать целомудрием, скромно одеваться, регулярно ходить в церковь и по-

ститься, соблюдать интересы мира и «не выносить сор из избы».

Подобное отношение к педагогам не содействовало созданию ими семьи. Для заключения брака имелось множество преград. К ним относились материальные трудности, получение разрешения у начальства. Важным обстоятельством был дефицит брачных партнеров, порожденный культурными различиями между педагогами и окружающим населением. Существовали и иные, не всегда проговариваемые причины. Выбор профессии учительницы, особенно сельской, изначально предполагал временный (на период работы) или пожизненный отказ от замужества. Огласка некоторых поступков фактически ставила крест на учительской карьере. Интересно, что их могли совершать как сами учителя, так и лица из их окружения. В последнем случае это оказывалось проявлением недоверия к конкретному педагогу, из-за его несоответствия устоявшимся образам.

В частности, всплеск терроризма и убийство Александра II крайне негативно отразились на положении педагогов. В 1881 г. в Тюмени произошло два инцидента с вынужденным участием учителей. Преподаватель реального училища М.А. Заостровских на публичной лекции «О суевериях русского народа» привел примеры фольклорных легенд из научной литературы. Его лекцию восприняли как антирелигиозную. Заостровских публичные выступления были на время воспрещены, «пока не приобретет большей опытности» [5]. Много хуже пришлось учительнице Пузыревой. Она, находясь на дежурстве в прогимназии, повела девочек на богослужение. После обедни, когда подходили к кресту, священник начал кричать на учительницу, требуя снять головной убор: «в шляпке не ходят в церковь, по старой вере не полагается и вот неповиновение». Далее последовали анафема, оскорбления и обморок учительницы. Выздоровев, Пузырева решила оставить педагогику и вышла замуж. Образованные современники связывали причины конфликта с повелением священникам обличать социалистов [2, л. 1–3].

Нередкое унижение педагогов компенсировало их оппонентам чувство психического дискомфорта плебея перед образованным лицом. Одновременно это действие подтверж-

дало жертвенный образ обладателя знаний, недоступных для большинства. Не случайно, что жизнь провинциальных интеллигентов оценивалась как близкое к монашескому подвигу пребывание в культурной пустыне, как борьба с темнотой. Кем представляла провинциальная учительница в общественном мнении? Посредницей, подвижницей, несущей добро через просвещение. Образ носительницы знаний тогда устойчиво связывался с фигурой девушки-учительницы, чистой, лишенной недостатков. Между тем, многие педагоги на селе были выходцами из города. Попав в непривычную для них деревенскую среду, они вынужденно оседали здесь на десятилетия, нередко пожизненно.

О дальнейшей нелегкой судьбе сельской учительницы повествует стихотворение, опубликованное в «Тобольских епархиальных ведомостях» педагогом Христиной Игнатовой:

Многие годы трудилась она
Честно на ниве народной,
Только теперь уж она не нужна.
Где-ж ей укрыться бездомной?

Старость пришла, и недуг истомил,
Зренье давно притупилось.
Светлый же разум ей не изменил,
Память еще сохранилась.

Слабая, с грудью усталой, больной
Скоро возьмется за прежний свой
Труд где-нибудь в деревушке глухой, –
Труд ей знакомый, приятный.

В тесной избе у большого стола
Кучка детей приютилась.
Сколько восторга и сколько тепла
В глазах у них отразилось!

Если она за кусок и за кров
Стала учить этих малых,
Снова ей путь осветила любовь –
Сил не жалеет усталых.

Сеет незримое семя она,
Души детей зажигает.
И от глубокого, долгого сна
Темный народ пробуждает.

В тесной крестьянской лачуге сырой
Страница тихо завянет,
Имя бездомной народ молодой
С чистой любовью помянет [10].

В этих непритязательных строчках отображены как устойчивые стереотипы, которые сопровождали образ педагога так и реальные тяжелые материальные условия жизни сельских учителей. По сравнению с их городскими коллегами из средних учебных заведений, учителя сельских начальных школ получали незначительное жалование. Разрыв в заработной плате за год превышал сотни рублей [7, с. 126]. Между тем, доля учительниц в начальных классах, особенно сельских, устойчиво росла. Количество незамужних девиц среди них было предельно высоким: 80% и более [9, с. 103]. Так, в частности в 1898 г. в Пермской губернии число учительниц в два раза превосходило число мужчин: 1029 против 512 [9, с. 93]. Высокая доля учительниц была и на уездном уровне. В 1886 г. Верхотурском уезде Пермской губернии из общего количества 182 педагогов мужчин числилось только 68. Часто в стенах небольшого сельского училища работали родные незамужние сестры. [1]. Вместе им было материально и психологически легче выжить.

Постепенно обществом стала осознаваться ненормальность положения с трудоустройством грамотных девушек. Далеко не всех женщин устраивало, что их выбор по преимуществу ограничивался профессией сельской учительницы. Так, начальница Тюменской прогимназии отмечала, что «законченный курс Прогимназии открывает воспитанницам этого заведения не один только путь к деятельности сельской учительницы, деятельности нелегкой, требующей, прежде всего, для успешного ведения дел, любви к этому святому делу и врожденного к нему призвания». Впрочем, из отслеженных выпускниц только в сельскую школу ушло не менее 18%. Это было третье место после замужества и гимназии, окончив которую, опять-таки, поступали в учительницы. И лишь единицы трудились в непедagogических профессиях: кассирами, акушерками, фельдшерицами [11, с. 50–51].

Миссия интеллигентов в провинциальной глубинке была благородной, но идеализировать

всех учителей, без исключений, нецелесообразно. Рядом с подвижниками, проникнутыми просветительскими идеалами, преспокойно существовали и приспособленцы. Педагогическая деятельность в стране, где грамотных людей не хватало, давала относительную стабильность и возвышала в социальном плане. Престижность профессии привлекала и тех, кто не обладал необходимыми навыками. В 1881 г. в «Екатеринбургской неделе» появился памфлет «Как я добилась звания учительницы». Автор, подписавшийся как «учительница Пустошева», едко высмеивает отрицательные черты некоторых сельских педагогов. Героиня памфлета считает себя дочерью «благородных родителей», поскольку её отец – дьякон заглядывал в поисках выпивки в погребки, «а это признаки цивилизации в городе». Проучившись шесть лет в женском одноклассном училище, она была вынуждена, поскольку «замуж не берут» сдавать экзамен на звание сельской учительницы. Не сумев ответить ни на один вопрос членов экзаменационной комиссии, приятелей её отца, девушка все же получила необходимое свидетельство. Затем её направили работать учительницей в сельское училище, к пермякам, языка которых она не знала. «На радостях я купила себе шляпку: не ходить же мне как какой-нибудь пермячке, без шляпки, пожалуй, еще тамошние волостной писарь и учитель примут меня за какую-нибудь необразованную, а они люди может быть холостые, и как увидят что я барышня во всех отношениях – хоть куда, пожалуй и посватаются» [15].

Итак, в образах провинциальных учителей Зауралья наблюдалось причудливое сочетание различных черт. Но есть и нечто, их объединяющее. В глазах просвещенной публики фигура учителя, особенно сельского, была мифологизирована. Она находилась в центре общественных ожиданий, но не имела должного материального обеспечения. Учитель был объектом жалости и восхищения. С его образом связывались надежды на быстрое улучшение нравов, во многом неоправданные. Его труд рассматривался

как героическое деяние или как необходимая искупительная жертва. Чтобы жертва была результативной, предполагалось, что её должны принести лучшие из образованных лиц, в первую очередь девушки. К участи провинциальных учительниц, следовало относиться с благоговением. При невозможности полноценного исполнения этой роли, она, в соответствии с логикой мифа, заменялась на другую, не менее мифологизированную. Несомненно, что истоки такого восприятия находились в толще неизжитой патриархальной культуры.

Допустимо также утверждать, что, несмотря на многообразие подходов о месте образовательной сферы в жизни российского общества второй половины XIX – начала XX вв. все они нивелировались одним, но чрезвычайно важным обстоятельством. Всеми общественными силами (консерваторами, либералами, демократами) предполагалось, что система образования должна базироваться на внеличностных началах. Ими могли быть: православие, самодержавие, народность, прогресс, наука, образование, общественное служение, и, наконец, защита обездоленных и борьба против угнетателей. Все они были способны вдохновить социально активную личность, получившую, получающую или дающую образование.

Их нездоровое доминирование над личностью и частными интересами во многом обесценивало человеческую жизнь и отодвигало на второй план прагматическую сторону образования. К сожалению, экономическим успехам пореформенной России не вполне соответствовал уровень культурного развития. В итоге выпускники и выпускницы учебных заведений, избравшие поприще педагогов, ориентировались не столько на «скучный» повседневный труд, сколько на достижение возвышенных целей, на непосредственное участие в созидании идеального общества. Подобные издержки общественностью тогда еще не вполне осознавались; их отрицательные стороны прикрывалось флёром благих намерений и учительским энтузиазмом.

01.03.2017

Список литературы:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК) ф. 231, оп.1, д. 14.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО) ф. 125, оп. 2, д. 894.
3. Горький, М. Собр. соч. в 18 т. / М. Горький. – Т. 9. – М.: Гослитиздат, 1962. – 535 с.

4. Громыко, М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 277 с.
5. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА) ф. И-152, оп. 8, д. 327.
6. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы / Ф.М. Достоевский. – М.: Современник, 1989. – 557 с.
7. Егорова, М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. / М.В. Егорова. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 216 с.
8. Знаменский, М.С. Воспоминания и дневники / М.С. Знаенский. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2013. – 776 с.
9. Зубков, И.В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ 1870–1916 / И.В. Зубков. – М.: Новый хронограф, 2010. – 528 с.
10. Игнатова, Х. В отставке / Х. Игнатова // Тобольские епархиальные ведомости. – 1910. – №15. – С. 111–112.
11. Клерикова, М.Р. Историческая записка и отчет за 25 лет существования Тюменской женской прогимназии / М.Р. Клерикова. – Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты», 1898. – С. 57, 52.
12. Максимов, С.В. Избранное / С.В. Максимов. – М.: Сов. Россия, 1981. – 560 с.
13. Максимов, С.В. По Русской земле / С.В. Максимов. – М.: Сов. Россия, 1989. – 528 с.
14. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
15. Пустошева Как я добилась звания учительницы / Пустошева // Екатеринбургская неделя. – 1881. – №14. – С. 208–209.
16. Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв. – Тюмень: Вектор-Бук, 2001. – 256 с.
17. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

Сведения об авторе:

Ершов Михаил Федорович, заведующий научно-исследовательским отделом Истории, археологии и этнологии, доцент Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, кандидат исторических наук
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 «а», e-mail: ouipiir@mail.ru